

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ВЫБОРЫ-2016: РУТИНА ИЛИ ПЕРЕМЕНЫ?

Что означает парламентская
кампания для будущего российской
политической системы

Андрей Колесников,
Борис Макаренко

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ВЫБОРЫ-2016: РУТИНА ИЛИ ПЕРЕМЕНЫ?

**Что означает парламентская
кампания для будущего российской
политической системы**

**Андрей Колесников,
Борис Макаренко**

Данный выпуск «Рабочих материалов» подготовлен Московским Центром Карнеги — представительством Фонда Карнеги за Международный Мир (США), являющегося некоммерческой неправительственной исследовательской организацией.

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Никакая часть данной публикации не подлежит использованию кем-либо в какой бы то ни было форме, в том числе воспроизведению, распространению, переработке, иначе как с письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы, пожалуйста, направляйте в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва,
Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935-89-04
Факс: +7 (495) 935-89-06
info@Carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2016

Содержание

Об авторах	v
Краткое содержание	1
Выборы в Думу-2016: цена вопроса	3
Российская политическая система перед выборами	3
От 2011-го к 2016-му: адаптация системы	8
Интрига кампании: партии, кандидаты, программы	11
Одномандатные округа: обновление «партии власти»	17
Портрет седьмой Думы	19
Легитимность системы: риски отделения общества от государства	23
Что 2016 год означает для 2018-го и 2024-го?	25
Примечания	27
Московский Центр Карнеги	29

Об авторах

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги, колумнист газеты «Ведомости» и интернет-издания «Газета.Ru», член правления Фонда Егора Гайдара.

Борис Макаренко — председатель правления Центра политических технологий, профессор НИУ Высшая школа экономики.

Краткое содержание

Выборы в Государственную думу, которые пройдут в сентябре 2016 года, при всей предсказуемости их результатов содержат немало интриг. Власть стремится сохранить контроль над системой и в то же время заинтересована в том, чтобы выборы воспринимались как честные. Парламентская кампания — 2016 — это не просто тестирование системы перед кампанией-2018, но и подготовка к новому политическому циклу. Неокорпоративистский персоналистский режим ищет модели выживания как минимум на среднесрочную перспективу.

Основные цели исследования

- Определить, имеют ли выборы в Государственную думу самостоятельное значение и меняют ли политическую конструкцию, позволяющую сохранить власть Владимира Путина и его элит.
- Оценить, как могут повлиять их результаты на президентские выборы 2018 года.
- Спрогнозировать, что ждет политическую систему России после 2018 года.

Основные выводы

- В ситуации слабой политической конкуренции, отсутствия видения будущего и деградации механизмов преемственности власти даже рутинные выборы слабого законодательного органа становятся для режима испытанием на легитимность.
- Основные характеристики российского политического режима: неокорпоративистский, описываемый в терминах бюрократического авторитаризма; персоналистский, в котором доминируют патерналистские настроения, но при этом легитимность и значимость парламентских выборов и партий — в глазах российского общества — невелики.
- Российское общество не верит в возможность смены власти через выборы. В то же время россияне ценят выборы и как ритуал участия, и как право выразить власти если не свое мнение, то эмоцию.

- Происходит адаптация политики к реалиям сегодняшнего дня и целеполаганию властного режима. Власть стремится к тому, чтобы не допустить одновременно делегитимации выборных процедур и массовых протестов.
- К лету 2016 года власть сделала все возможное, чтобы осенью добиться своей главной цели — провести выборы без скандалов и протестов и вместе с тем получить приемлемый для себя расклад в следующей Думе.
- Голоса, потерянные «Единой Россией», будут подхватываться преимущественно двумя партиями системной оппозиции, КПРФ и «Справедливой Россией», в меньшей степени — ЛДПР, поскольку никакой электоральной мобилизации в сегменте либерально настроенных граждан не наблюдается.
- При этом оппозиционность парламентских партий весьма условна. В корпоративистской политической системе они действуют исключительно в санкционированных рамках — «выпускают пар» социального протеста и придают системе минимальную гибкость, тем самым фактически обслуживая долгосрочные интересы власти.
- 225 думских мандатов, распределяемых между партийными списками, скорее всего, достанутся тем же четырем партиям, которые заседают в нынешней Думе, причем в пропорциях, не сильно отличающихся от нынешних.
- Парламентские выборы воспроизведут ныне существующий российский политический режим. Они уберегут его от немедленной делегитимации, но вряд ли сделают в большей степени способным адекватно реагировать на долгосрочные вызовы.
- Легитимность харизматического лидера не передается по наследству. Согласно Конституции нынешний президент, который, скорее всего, останется главой государства и после выборов в 2018-м, в 2024 году должен будет покинуть свой пост. Значит, он превратится в «хромую утку» не в конце своего очередного срока, а в его начале. Этот процесс спровоцирует сначала осторожную, а затем все более интенсивную перегруппировку политических сил и финансовых лоббистов, которая может постепенно расшатать консенсус, закрепленный выборами 2016 и 2018 годов.
- Состояние политической и экономической систем может спровоцировать спрос на перемены. Но едва ли действующий политический режим будет в состоянии ответить на этот вызов.

Выборы в Думу-2016: цена вопроса

О значимости предстоящих в сентябре выборов в Государственную думу можно вынести почти взаимоисключающие суждения. С одной стороны, уровень народного одобрения действующей власти по-прежнему высок, хотя радикально поднявший его «крымский патриотизм», похоже, не беспределен. Благодаря реформам, которые мы опишем ниже, политическая система адаптировалась к новым реалиям и стала более гибкой. Уровень конкурентности в ней несколько поднялся, но не настолько, чтобы создать угрозу доминированию партии власти в следующем созыве. Новый состав палаты может оказаться более публичным и требовательным, но институциональная слабость парламента не сулит напряженных отношений с Кремлем. Таким образом, сюрпризов ждать не приходится.

С другой стороны, именно парламентские выборы в 2011 году запустили процесс мутации российского политического режима. Протесты усомнившихся в честности выборной процедуры «рассерженных горожан» в Москве и других крупных городах стали шоком для режима, усмотревшего в них риск потери власти: ему привиделся сценарий «оранжевой революции» и едва ли не переворота. «Арабская весна» и киевский «Майдан» многократно усилили эти во многом иррациональные страхи, усугубившиеся полномасштабной конфронтацией с Западом после присоединения Крыма.

И реформы политической системы, и поворот к консерватизму — все это реакция правящего класса на неотменяемые вызовы: слабость публичной политики, отсутствие видения будущего, деградацию механизмов преемственности власти. В таких условиях даже рутинные выборы слабого законодательного органа становятся для режима испытанием на легитимность, и именно это делает их значимым политическим событием.

Российская политическая система перед выборами

Контекст и интригу думских выборов невозможно рассматривать без учета основных характеристик российского политического режима.

Во-первых, это режим неокорпоративистский; если и называть его авторитарным, то это скорее вариация бюрократического авторитаризма, описанного Гильермо О’Доннеллом на примере латиноамериканских стран в 1970-е¹. Электоральная арена предельно зарегулирована, смена власти через выборы фактически исключена, провластная партия доминирует, а большинство остальных держатся в строго обозначенных рамках. Столь же плотный контроль окружает и деятельность гражданского общества.

Корпоративистский характер режима проявляется в попытках сформировать когорты поддержки на основе цехового, профессионального, гендерного признаков. В такой модели власть должны поддерживать все — от парламентских партий, которые в России представляют собой корпоративистские объединения (группы поддержки власти и институты сохранения электората в законных — не уличных — рамках), и подконтрольных профсоюзов до структур, образующих, по классическому определению неокорпоратизма, «систему представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных рядов, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области»². Примерами таковых можно считать Общероссийский народный фронт (ОНФ) и Общественную палату (ОП). Разумеется, можно найти параллели между современным российским и другими типами современных соревновательно-авторитарных и гибридных режимов³, но мы упомянули концепцию О’Доннелла именно в силу схожести ситуации с «зарегимленной» электоральной ареной.

Во-вторых, это режим персоналистский. Уровень одобрения деятельности Владимира Путина держался выше отметки в 60% практически неизменно с момента его прихода к власти в 2000-м, достиг максимума после грузинской кампании в сентябре 2008 года (более 80%), к концу 2011 года опустился до 63%, а после присоединения Крыма поднялся более чем на 20 процентов⁴.

Путин не только верховный главнокомандующий и президент с широчайшими полномочиями в области внутренней и экономической политики, но и главный — в глазах большинства россиян — объединяющий страну символ, гарант стабильности и к тому же везунчик, при котором страна пережила подъем после лихих 1990-х, а недавно еще и присоединила Крым, символ одновременно имперской ностальгии и мощи. Слабость и деградация институтов власти означают, что значительная часть решений принимается главой государства вручную, что еще больше усиливает персоналистский характер режима.

Высокая степень персонализации предельно затрудняет преемственность власти: все остальные властные фигуры и институты полностью

зависят от сильного лидера, и именно на нем построена легитимность режима, а харизма «по наследству» не передается. Эта проблема неизбежно повышает нервозность власти и на парламентских выборах: единственным ресурсом ее популярности, легитимности и даже мало-мальской эффективности остается фигура президента.

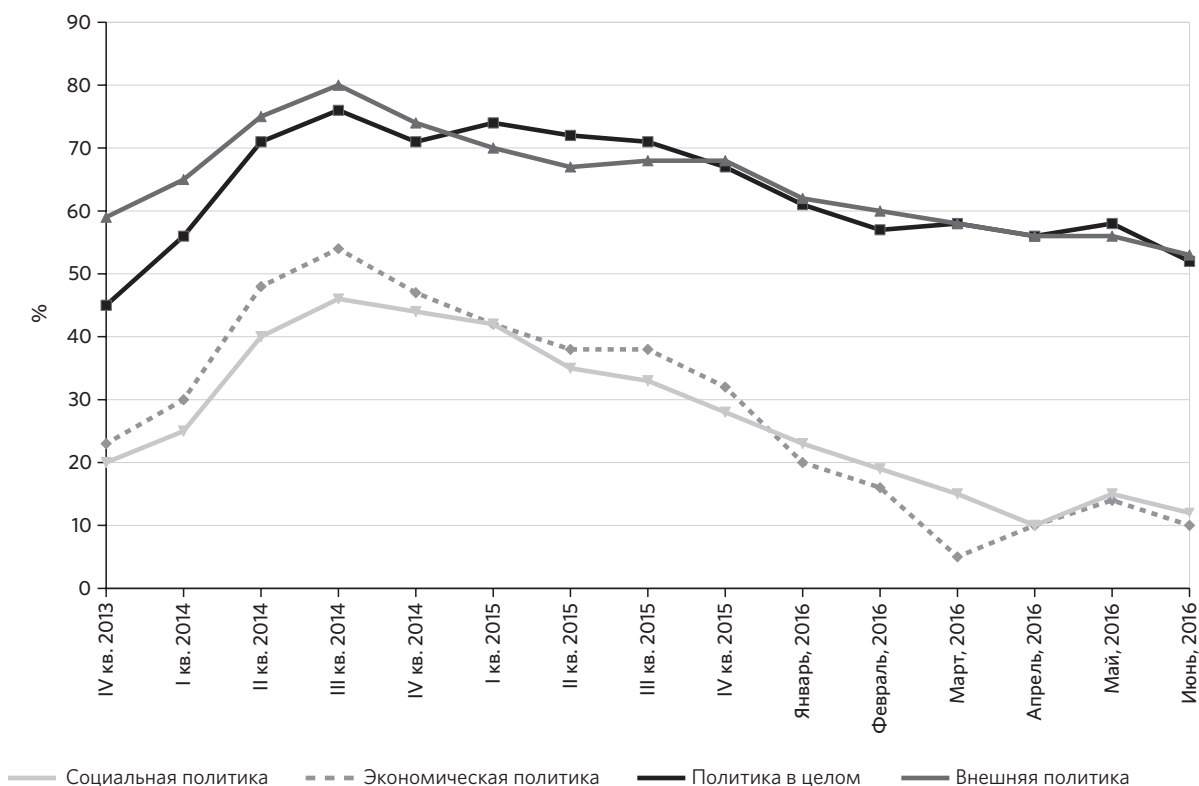
В-третьих, в обществе доминируют патерналистские настроения. Культура «граждан, а не подданных» в России формировалась постепенно, и именно ее мы увидели на Болотной площади в 2011–2012 годах. Однако за последние пять лет она почти исчезла с авансцены общественно-политической жизни.

Причина — в сочетании нескольких факторов. Первый: в эти годы достигли максимума процессы огосударствления экономики, уничтожения конкуренции и частной инициативы, образовался застой в малом и вообще частном бизнесе, где в первую очередь и формировалась эта культура. Второй фактор: экономический кризис, последствия которого больно ударили по тому же частному бизнесу. Третий: опознав в этом общественном сегменте угрозу, власть намеренно препятствовала институционализации его вовлечения в политику. Наконец, сочетание стремления посткрымского большинства быть в мейнстриме и активного одобрения им режима «после Крыма» снизили уровень поддержки демократических и либеральных ценностей в политике и экономике. Таким образом, доминирующий общественный запрос носит исключительно патерналистский характер.

Патернализм сознательно культивировался властью в «тучные» годы прошлого десятилетия, когда и сложилась электоральная база поддержки режима. Однако после кризиса 2008–2009 годов ресурсов для патерналистского перераспределения стало меньше. Присоединение Крыма вкупе с антизападной риторикой и консервативной волной несколько лет удерживали одобрение власти на прежнем уровне, однако ни одной значимой общественной проблемы за это время решено не было. К выборам власть подходит при угасающем (но не исчерпанном и ставшем константой политической жизни) «крымском эффекте» (см. рис. 1) и неприглядном состоянии экономики и социальной политики.

В-четвертых, легитимность и значимость парламентских выборов в глазах российского общества не слишком велики. Притом что на «крымской волне» доверие ко всем институтам власти в России выросло, у Думы этот рост оказался куда менее выраженным (с 25% в 2013-м до 40% в 2015-м), чем у президента, правительства и, разумеется, армии. Что же касается главных действующих лиц этих выборов — партий, то они стабильно пребывают на последнем месте в рейтинге доверия политическим и общественным институтам⁵.

Такая ситуация имеет вполне рациональное объяснение: Конституция 1993 года намеренно создала парламент институционально слабым, чтобы доминировавшая в нем оппозиция не смогла заблокировать полити-

Рис. 1. Индексы одобрения политического курса, % от числа опрошенных

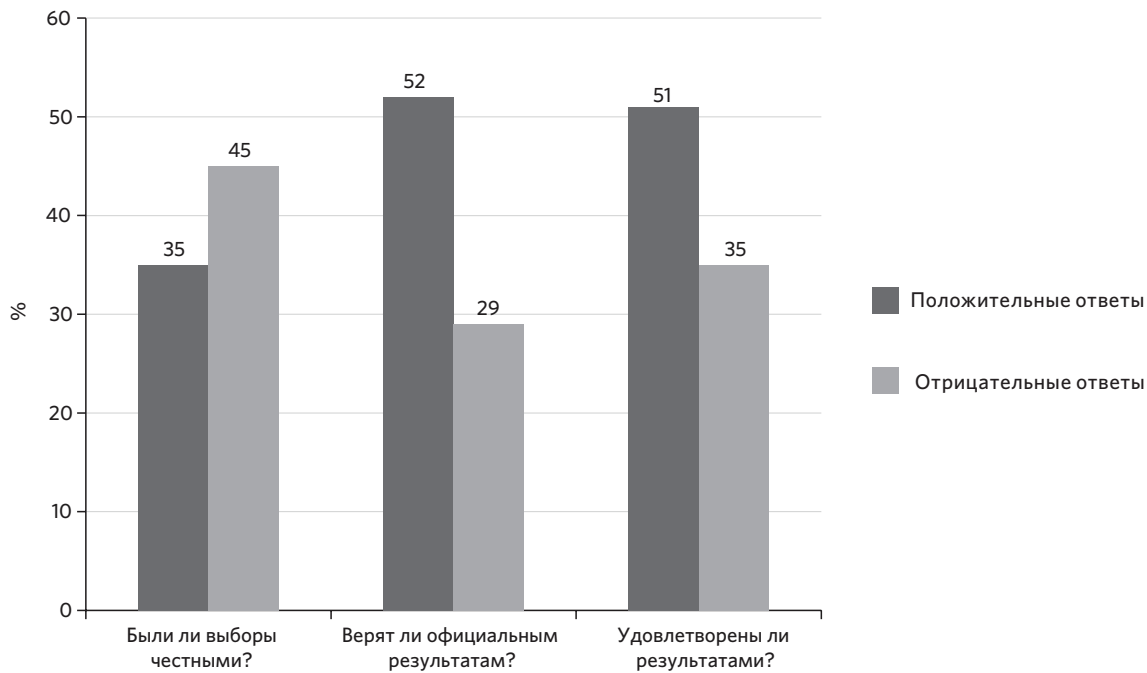
Примечание. Индекс представляет собой разность одобрительных и неодобрительных ответов на вопросы: «В какой мере вас устраивает: политика в целом, экономическая политика, социальная политика, внешняя политика?»

Источник: ВЦИОМ // http://wciom.ru/news/ratings/ocenka_vlastej/ (проверено 1.07.2016)

ческие и экономические реформы времен Бориса Ельцина. Таковым он остается и при Путине, только из оппозиции Дума превратилась в послушного исполнителя воли президентской власти, пытаясь утверждать свою значимость лишь шумным популизмом.

Неоднозначно и отношение российского общества к выборам. Оно не верит в возможность смены власти таким путем (и не особенно стремится к этому), спокойно переживает многочисленные изменения в избирательном законодательстве — а с 2002 года в него было внесено 898 поправок⁶.

В то же время россияне ценят выбор и как ритуал участия, и как право выразить власти если не свое мнение, то эмоцию. Даже после самых резонансных — с точки зрения сомнения в честности и справедливости — думских выборов 2011 года социологи (опрос «Левада-центра» через несколько дней после дня голосования) зафиксировали противоречивую реакцию общества, в которой протест был перемешан с апатией

Рис. 2. Удовлетворение от нечестных выборов, % от числа опрошенных

Источник: «Левада-центр» // <http://www.levada.ru/2011/12/28/rossiyane-ob-aktsiyah-protesta-i-proshedshih-vyborah/>

и конформизмом подданнической политической культуры. Большинство россиян сочло прошедшие выборы нечестными, но поверило их результатам и удовлетворилось ими (см. рис. 2). Такая логическая нестыковка имеет единственное объяснение: люди не считают, что парламент и — даже шире — представительство интересов граждан в политике имеют для их жизни хоть какое-то значение. Решение своих повседневных проблем население с выборами не связывает, констатирует Лев Гудков из «Левада-центра»⁷.

Качество представительства общества партиями и парламентами в наши дни ставится под вопрос и в развитых западных демократиях — об этом пойдет разговор дальше. Однако там речь идет о поиске альтернативных, более адекватных форм участия граждан в политике и отражения их интересов новыми политическими силами и фигурами, пусть и такими неоднозначными, как, например, Дональд Трамп или Марин Ле Пен. В России же почти не менявшийся уже три состава Думы набор выразителей патерналистских эмоций, слабо влияющих на реальную политику, скорее всего, как будет показано ниже, воспроизведется и в следующем созыве нижней палаты парламента.

От 2011-го к 2016-му: адаптация системы

В оценке реформ политической системы за последние пять лет нельзя принять ни одну из крайних точек зрения. Власть подает их как принципиальную модернизацию и либерализацию, направленную на повышение легитимности и прозрачности избирательных и — шире — политических процедур, оппозиционные же наблюдатели объявляют эти реформы имитацией и дальнейшим выхолащиванием демократических начал.

На самом деле речь идет о целенаправленной адаптации политики к реалиям сегодняшнего дня и целеполаганию властного режима. Общий вектор — переход от жесткого регулирования к гибкому манипулированию, что действительно подразумевает некоторую либерализацию и более тонкие механизмы управления. В основе нового дизайна — стремление власти не допустить делегитимации выборных процедур и массовых протестов по образцу движения 2011–2012 годов, которые могли бы дестабилизировать всю властную конструкцию. Вместе с тем все командные высоты в политике остаются в руках правящего класса. Большинство изменений можно описать в логике кнута и пряника.

Законодательство о партиях подверглось либерализации. Упрощение порядка создания партий привело к тому, что их число выросло с семи в 2011 году до сегодняшних 74. За исключением партии Алексея Навального ни один из сколько-нибудь реальных партийных проектов не встретил трудностей с регистрацией. Входной барьер для участия в выборах был поставлен не партийным, а избирательным законодательством (в 2013-м) — для регистрации на выборах требуется собрать подписи избирателей: 0,5% для списка (200 тыс. на федеральных выборах) и 3% для кандидатов по одномандатным округам. Это за пределами высокий показатель, который дает возможность не допустить до выборов неугодных участников через выбраковку подписей.

Результаты этой реформы оказались скромными: треть от всех партий оказалась мертворожденной настолько, что вообще не участвует в выборах, лишь десять из них (не считая четырех парламентских) смогли завоевать хотя бы один мандат в законодательных собраниях 85 субъектов РФ (и тем самым получить право автоматической регистрации на федеральных выборах). Ни одна из новых партий — по результатам прошедших за четыре года региональных и местных выборов — не обрела популярности, позволяющей претендовать на проходной, пятипроцентный, результат на выборах Госдумы. Эффективное число парламентских партий — общепринятый измеритель уровня конкуренции — на региональных выборах остается ниже трех, не превосходя аналогичный показатель в Думе, избранной в 2011 году (2,8).

Некоторые эксперты полагают, что одной из целей инициаторов реформы было именно размывание оппозиционных голосов между множеством

мелких партий⁸. Пока в региональных и местных кампаниях этот эффект проявлялся в весьма умеренном масштабе — полноценная его проверка возможна только по результатам предстоящих думских выборов.

Можно сказать, что увеличилось количество межпартийной конкуренции, но не повысилось ее качество. «Единая Россия» остается абсолютно доминирующей: на выборах региональных законодательных собраний в 2015 году она набрала около 60% голосов, а по одномандатным округам не менее 90% мандатов достается либо единороссам, либо формально независимым кандидатам, связанным с главами регионов.

Львиную долю остальных мест делят между собой три главные партии системной оппозиции; единичные мандаты, завоеванные остальными десятью партиями, лишь дают им лицензию на участие в федеральных выборах, но не делают их сколько-нибудь влиятельными участниками региональной, тем паче федеральной политики.

Это не значит, что либерализация партийного законодательства бессмысленна: фактический запрет на создание новых партий обрекал на стагнацию существовавшую «семерку» (помимо четырех парламентских, это «Яблоко», «Патриоты России» и «Правое дело») и заведомо исключал какой-либо динамизм во всей системе политического представительства.

Итак, перемены в электоральной ситуации действительно состоялись. Барьеры для входа на партийный рынок существенно снижены, появились каналы для конкуренции элитных группировок на региональном и местном уровне: системная оппозиция принуждена к борьбе за свою привычную электоральную нишу с новыми партийными проектами. При этом ее попытки повысить квалификационные требования для участия новых партий в федеральных выборах (с присутствия в одном региональном заксобрании до нескольких) были отклонены Кремлем.

В новых условиях реже чинятся препятствия парламентским и минимально жизнеспособным новым партиям для участия в выборах, допускаются единичные победы оппозиционных кандидатов на губернаторских (Иркутская область) и мэрских (Петрозаводск, Новосибирск, Екатеринбург) выборах. Но даже такая ограниченная конкуренция приживается с трудом: давление на партийную оппозицию стало носить точечный характер, но эти точки выбираются не случайным образом. Потенциально успешная (4,5% на региональных выборах 2013 года) партия Михаила Прохорова сталкивалась с отказами в регистрации именно в перспективных для себя регионах, а позднее, пережив внутренний раскол, фактически ушла с политической арены. Наиболее радикальный обладатель федеральной лицензии — «Парнас» — в 2015 году был допущен до выборов в заведомо неудачной для него Костромской области,

---

Попытки системной оппозиции повысить квалификационные требования для участия новых партий в федеральных выборах были отклонены Кремлем.

но отлучен со скандалом в перспективной Новосибирской. «Яблочный» мэр Петрозаводска Галина Ширшина была лишена своего поста голосами провластного большинства в городской думе. О неслучайности такого селективного давления — ниже.

Еще одна серьезная новация — возвращение к смешанной системе выборов в Государственную думу. Критики говорят, что она мотивирована стремлением власти подстраховаться в случае падения рейтинга «Единой России»: в одномандатных округах, как показывает практика последних лет, провластные кандидаты действительно получают львиную долю мест. Однако это не отменяет важных достоинств такой реформы: избирателю возвращают право выдачи мандата напрямую своему депутату, а тот, в свою очередь, выходит из полной зависимости от лидера своей партии. Одномандатники действительно склонны к лояльности власти, но эта лояльность строится на переговорах и торге, а не беспрекословном подчинении.

Появление одномандатников придаст избирательной кампании большую публичность, а избираемым депутатам — хотя и в ограниченной степени — функцию представления избирателей конкретных территорий, что в идеале изменит мотивацию их поведения в парламенте. Именно с одномандатниками связана надежда на то, что российский парламент начнет избавляться от имиджа «взбесившегося принтера» и «не места для дискуссий», хотя вряд ли это оздоровление произойдет быстро.

Описанные новации имеют позитивную составляющую, что трудно сказать о наборе превентивных мер, предпринятых властью для того, чтобы снизить риски протестного голосования (какового она ждет в первую очередь в крупных городах) и поствыборных протестов.

Во-первых, дата выборов была намеренно сдвинута с декабря, срока истечения конституционных полномочий нынешней Думы, на середину сентября — месяц, в который в последние годы проводился единый по всей России день голосования на региональных и местных выборах. Это означает, что часть горячего периода кампании придется на сезон отпусков, а значит, снизится действенность агитации, особенно важной для оппозиционных партий, которые в межвыборный сезон редко получают внимание общенациональных СМИ.

Во-вторых, день голосования придется на один из последних теплых уикендов сезона, когда многие горожане предпочтут провести воскресный день на даче или на природе. Снижение явки объективно выгодно власти, а в этот раз она рискует оказаться существенно ниже привычного для прошлых думских выборов диапазона в 56–63%.

В-третьих, впервые после выборов 2003 года были нарезаны заново — и весьма специфическим образом — одномандатные округа. Все крупные города кроме Москвы и Санкт-Петербурга были поделены между двумя-тремя избирательными округами. Благодаря такой форме джерримен-

деринга (демаркации избирательных округов) крупный город «исчез» как субъект электоральной политики. Мотивы очевидны: именно «Россия-1», как названы в работах экономгеографа Натальи Зубаревич жители крупных городов⁹, в прошлом электоральном цикле показала наихудшие результаты голосования за Владимира Путина и «Единую Россию». На сей раз в одномандатных округах эти избиратели будут уравновешены куда более лояльными нынешней власти сельскими жителями.

Почти накануне предвыборной кампании, в феврале 2016 года, федеральным законом было введено жесткое регулирование действий наблюдателей и журналистов на избирательных участках, формально — для пресечения злоупотреблений, а на самом деле — чтобы затруднить работу наблюдателей, которые в прошлом избирательном цикле стали ядром поствыборных протестов.

К лету 2016 года власть сделала все возможное, чтобы добиться своей главной цели — *провести выборы без скандалов и протестов и вместе с тем получить приемлемый для себя расклад в следующей Думе.*

Омрачает этот сценарий один важный фактор — он кажется фоновым, но может иметь далеко идущие последствия. Речь идет о сознательном нагнетании антизападных и антилиберальных настроений из-за описанных выше иррациональных страхов правящего класса. Еще в феврале 2016 года Владимир Путин дал установку Федеральной службе безопасности: «недрузи за бугром» готовятся к осенним выборам в Госдуму, а потому «нужно пресечь любые попытки внешнего вмешательства в нашу политическую жизнь»¹⁰, что означает пристальное внимание спецслужб к сугубо внутривнутриполитическому процессу.

Позднее последовали циничные хулиганские акции против активистов независимого общественного движения «Мемориал», увековечивающего память жертв сталинских репрессий, и против Алексея Навального. Эти акции побудили нового председателя Центральной избирательной комиссии Эллу Панфилову (человека с безупречной правозащитной репутацией) предупредить, что «нарастает в преддверии избирательной кампании агрессивное поведение разного рода групп непонятных ряженых... иногда при попустительстве, иногда при пассивном поведении правоохранительных органов, нападки на своих мировоззренческих, идеологических противников... Я считаю, что это игра с огнем, это может дезавуировать все наши попытки провести честные, корректные, нормальные выборы»¹¹.

Интрига кампании: партии, кандидаты, программы

Конкуренция на предстоящих выборах будет ущербной в обеих своих основных составляющих — и в соревновании политиков и партий, которое

принято называть «скачками» (*horse race*), и в конкуренции идей и программ (*deliberation*).

Причина — в полном доминировании провластных политических сил и провластной повестки дня. Последняя в условиях кризиса стала носить исключительно патерналистский характер: именно на государство большинство граждан возлагает как ответственность за кризис, так и надежды на его преодоление и будущую стабильность своего материального положения.

**Конкуренция на предстоящих выборах будет
ущербной в обеих основных составляющих —
и в соревновании политиков и партий,
и в конкуренции идей и программ.**

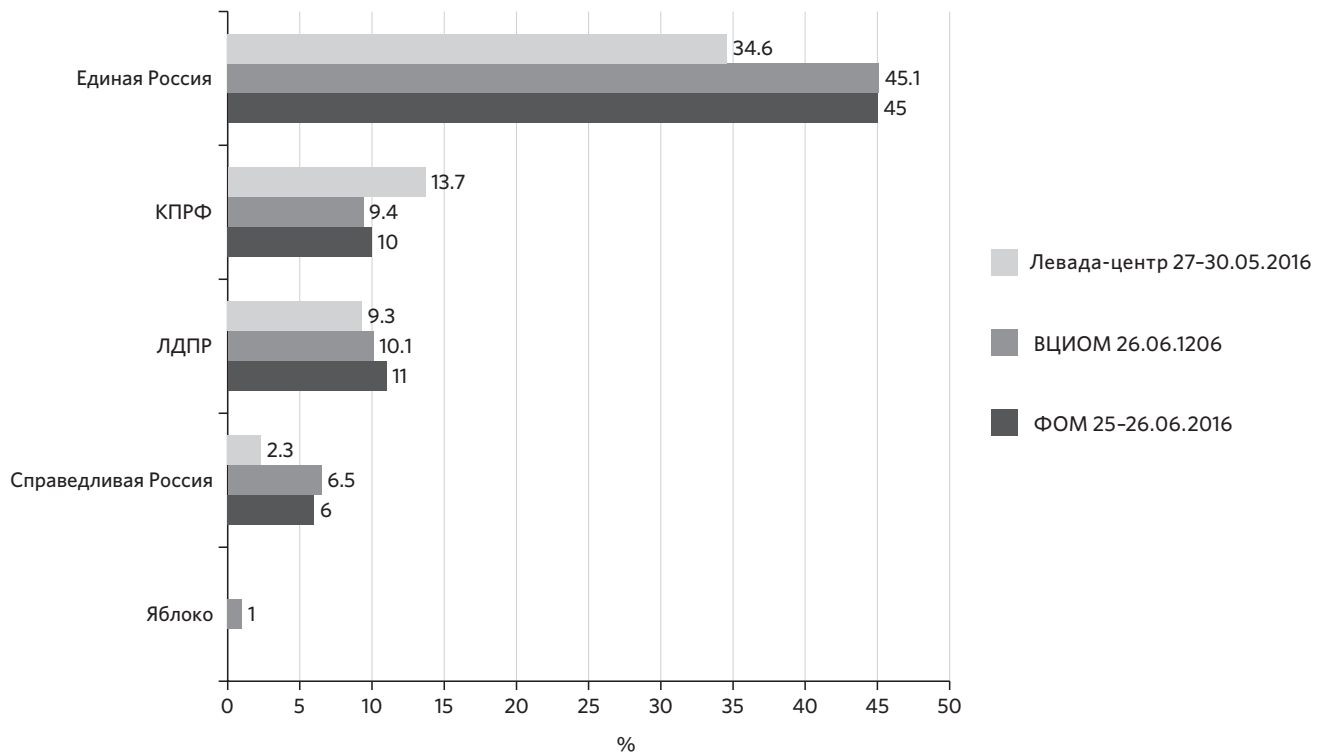
Преобладающей жизненной стратегией россиян становится адаптация к кризису (чаще пассивная, в виде экономии и снижения ожиданий), желание его «перетерпеть». При таком состоянии общества протест маловероятен¹². Граждане не готовы выступать против власти и ее партии, которые в глазах «посткрымского»

большинства являются источником надежд на экономическое и социальное благополучие: кто здесь власть — у того и деньги, а значит, рациональное поведение — отдать ей свои голоса¹³. В этом же видится причина, по которой граждане не станут массово голосовать за внесистемные оппозиционные партии: в их глазах они обречены на поражение. Даже протестный голос в такой логике лучше отдать, например, коммунистам.

Рядовому избирателю невдомек, что его протестный голос оказывается в реальности голосом за власть, которая заинтересована в том, чтобы все политические процессы, включая проявления недовольства, происходили внутри легальной политической рамки — в данном случае комбинации четырех парламентских партий, встроенных в корпоративистский, почти полностью контролируемый исполнительной властью механизм.

Добавим к этому эффект сплочения вокруг флага после присоединения Крыма, активно раздуваемые официальной пропагандой антизападные настроения, которые порождают у россиян ощущение «осажденной крепости», а также популярную в обществе военную операцию в Сирии¹⁴ и консервативную волну, утверждающую архаичные стереотипы и ценности. Все это создало ощутимый запас прочности перед выборами.

Это, однако, не означает гарантированно высокого результата для партии власти. Как было отмечено выше, в России на выборах парламента, института слабого и маловлиятельного, традиционно сильны мотивы эмоционального голосования, «плевка в лицо» режиму. Поэтому в предвыборный период неизбежно развернется конкуренция разных моделей патернализма: провластного (спасибо, что нас поддерживаете, хотя и недостаточно), разочарованного (ну что же так мало даете) и озлобленного (что же вы с нами делаете).

Рис. 3. Рейтинги политических партий, % от числа опрошенных

Примечание: рейтинги в % от 100% респондентов.

Источники: ВЦИОМ (http://wciom.ru/news/ratings/elektoralnyj_rejting_politicheskix_partij/), ФОМ (<http://bd.fom.ru/pdf/d252016.pdf>), «Левада-центр» (<http://www.levada.ru/2016/06/06/elektoralnye-rejtingi-partij/>).

При истощении ресурсов на перераспределение государственных доходов, объективном ослаблении социальной политики, падении доходов граждан и недостаточной индексации пенсий неизбежен рост разочарования и озлобленности и, соответственно, отток части провластного патернализма «Единой России» к «разочарованному» — то есть к «Справедливой России» — и «озлобленному» — то есть к КПРФ. Три этих патерналистских пула составляют, если судить по опросам, около трех четвертей активных избирателей (рис. 3).

Такой отток уже начался: по данным ведущих социологических агентств, «Единая Россия» с начала года потеряла — по разным оценкам — от 5 до 8% своего рейтинга. Это прямое следствие вялотекущего накопления усталости и разочарований от затянувшегося кризиса. В период избирательной кампании — даже такой неудачной по срокам для оппозиционных партий — неизбежна политизация и актуализация претензий к власти, так что дальнейшее падение поддержки «Единой России» можно прогнозировать вполне уверенно.

Однако укажем на два важных ограничителя этой тенденции, которые будут отличать кампанию-2016 от внешне схожего сценария перед предыдущими выборами. Во-первых, в 2011 году сильнейшим катализатором антивластных настроений стала новость о предстоящем возвращении на президентский пост Владимира Путина, грубо и прямолинейно озвученная на предвыборном съезде «Единой России», а нынешний вялотекущий кризис никак не тянет на аналогичный по силе катализатор протеста. Во-вторых, вся описанная конкуренция будет протекать внутри патерналистского большинства электората. Потери «Единой России» станут подхватываться преимущественно двумя партиями системной оппозиции — КПРФ и «Справедливой Россией» (в существенно меньшей степени ЛДПР), поскольку никаких признаков электоральной мобилизации в сегменте «рассерженных горожан» не наблюдается.

В этом контексте текучка электората, переход избирателей с неустойчивой мотивацией от одной партии к другой, мало что меняет. При корпоративистском характере политической системы парламентская оппозиция действует исключительно в санкционированных рамках, «выпускает пар» социального протеста, придает системе минимальную гибкость и тем самым, оставаясь в рамках, как говорят некоторые аналитики, «партии власти в расширенном понимании», фактически обслуживает долгосрочные интересы режима.

Голоса за КПРФ, «Справедливую Россию» или ЛДПР — это в лучшем случае выражение эмоции разочарованного или разгневанного подданного, имеющей минимальное влияние на политику. Сохраняя корпоративистскую систему, власть выталкивает реальную оппозицию из стен парламента на улицы. Но эта опция альтернативного политического поведения устраивает далеко не всех протестно настроенных избирателей, потому что она, как показали жесткие приговоры по «Болотному делу», по-настоящему опасна и чревата лишением свободы.

Таким образом, набор соискателей думских мандатов, распределяемых между партийными списками, ограничен привычной по последним двум составам Думы четверкой. При сегодняшних рейтингах «Единая Россия» получила бы порядка 60% голосов и две трети мандатов от «списочной половины» Думы. Потеря 10 пунктов рейтинга — на сегодня гипотетическая — всего лишь опустила бы ее результат до уровня 2011 года (49,3%), и даже если падение будет еще более глубоким (но вряд ли ниже 40%), все равно она опередит остальные партии с уверенным отрывом. Главная уязвимость для «ЕР» в рамках этой кампании в том, что она не будет иметь возможности давать масштабные патерналистские обещания.

Реальные планы социально-экономического развития никогда не становились повесткой для власти на парламентских выборах. В 2007 году «Единая Россия» шла на них с так называемым «планом Путина» — суммой текстов восьми предыдущих (!) посланий президента Федеральному

Собранию. Однако верили в этот план, по опросу «Левада-центра», 58% россиян¹⁵ — в то время общество ожидало от власти хороших новостей, а не конкретных решений.

На сей раз «Единая Россия» заявила в своей программе сдержанный оптимизм и озабоченность социально-экономическими проблемами, дополнив их патриотически-победительной риторикой и «выполнимыми» обещаниями¹⁶. Не сработает в полной мере и логика «хороший царь — плохие бояре», то есть перекладывание ответственности за ослабление перераспределительной социальной политики на правительство и региональную власть. Список «Единой России» на выборах возглавил премьер-министр Дмитрий Медведев, а потому критиковать действия исполнительной власти у единороссов не получится. Да и для Путина это станет не накоплением, а тратой имиджевого капитала. Если с 2012 года президент, за единственным исключением, не появлялся на мероприятиях партии, выдвинувшей его кандидатом на президентских выборах, то в 2016-м он вновь заявляет о поддержке «Единой России», понимая, что без образа путинской партии ей будет труднее добиться высокого результата.

Точный прогноз распределения остальных голосов и результатов выборов вряд ли возможен. Самым реальным претендентом на второе место представляется КПРФ. Она сохранила репутацию второй по силе и наиболее «оппозиционной» — по крайней мере по внутривнутриполитической повестке дня — партии в стране. Скорее всего, коммунисты попытаются повторить свой успех 2011 года, когда в качестве выражения эмоционального протеста против власти за нее голосовали избиратели, не разделяющие коммунистических и даже левых убеждений. Первые агитационные ходы партии выдержаны в стилистике, рассчитанной именно на такого избирателя: оптимизм, отход от жесткой риторики и тому подобное. В то же время партия не забывает и свой ядерный электорат, апеллируя в том числе к ностальгии по СССР и откровенному сталинизму, одобренному православными ценностями.

ЛДПР последние годы уверенно занимала третье место в рейтингах, порою вплотную приближаясь к КПРФ. Из парламентских партий это единственная, в электорате которой не доминируют патерналистские настроения, при этом патриотически-милитаристский дискурс и игра провластной пропаганды на имперской риторике подпитывают убеждения, которые разделяют сторонники ЛДПР. Прохождение в Думу для нее гарантировано, но на значительный прирост электората эта партия вряд ли может рассчитывать: как указывалось выше, отток избирателей от «Единой России» будет преимущественно направлен в другие патерналистские партии. К тому же привычная ультраправая риторика ЛДПР

В рамках нынешней предвыборной кампании «Единая Россия» не имеет возможности давать масштабные патерналистские обещания.

перехвачена действующей властью и ее пропагандой и более не является эксклюзивным достоянием партии. В результате главным ее активом остается стареющий лидер Владимир Жириновский.

«Справедливая Россия» до последнего времени с трудом дотягивала до проходного рейтинга в 5%. Однако и в ее присутствии в будущей Думе сомнений практически нет. Во-первых, партия воспринимается как наиболее лояльная власти из «оппозиционных», а потому для разочарованного патерналистского электората она представляется удобным выбором: не уйти в принципиальное неприятие власти, но выразить ей свое недовольство. Во-вторых, опытные менеджеры «справороссов» сосредоточатся в кампании на болевых точках социальной повестки дня вроде отмены платежей за капремонт, высоких тарифов естественных монополий и так далее — иными словами, будут критиковать правительство за непопулярные меры, чего «Единая Россия» себе позволить не сможет.

Вопрос о вероятности мобилизации электората «граждан, а не подданных», тех самых «рассерженных горожан», которые сыграли важную роль в кампании 2011 года и последовавших протестах, на сегодняшний день не имеет ответа. Как было сказано выше, эта социальная страта фактически демобилизована. Попытки создания партии на основе актива протестного движения не принесли успеха. «Гражданская платформа» откровенно деградировала, Алексею Навальному целенаправленно мешали создать свою партию, а попытку образования Демократической коалиции из сторонников Навального и других активистов на базе партии «Парнас» во главе с экс-премьером Михаилом Касьяновым можно считать провалившейся из-за внутренних распрей и амбиций.

Единственная интрига в этом сегменте электората связана с ветераном российской политической сцены — партией «Яблоко». Она сохранила структуру и актив, привлекла ряд новых лиц из протестного движения, добивалась точечных успехов на выборах. В кампании «Яблоко» стартует с исключительно невыгодной позиции — ее рейтинги не достигают и одного процента, и хотя в условиях откровенного провала всех альтернативных проектов партия может стать точкой консолидации «граждан, а не подданных», ее шансы на преодоление 5%-ного барьера кажутся призрачными.

Не представляется вероятным и успех какой-либо из новых партий. Из тех, что имеют право автоматической регистрации на выборах, как минимум три («Коммунисты России», КПСС, Российская партия пенсионеров за справедливость) — откровенные клоны, пригодные лишь на роль спойлеров по отношению к более сильным партиям в соответствующих сегментах политического спектра. Еще две — «Родина» и «Патриоты России» — несколько более серьезные проекты, порой, при поощрении власти, добивающиеся успехов на местных выборах, объединяя группировки региональных элит. Однако и они вряд ли имеют шанс пройти

в Думу, поскольку претендуют на электорат, который распределится между тремя патерналистскими парламентскими партиями.

Проект Партии роста, запущенный с одобрения власти под руководством бизнес-омбудсмена Бориса Титова, стартовал слишком поздно, чтобы четко позиционировать себя в идейном поле и всерьез рассчитывать на проходной балл. Остается экологическая партия «Зеленые», но и она обречена быть безнадежным аутсайдером.

Итак, 225 думских мандатов, распределяемых между партийными списками, скорее всего, достанутся тем же четырем партиям, которые и сегодня заседают в Думе, причем в пропорциях, не сильно отличающихся от нынешних.

Одномандатные округа: обновление «партии власти»

Уровень конкуренции будет невысоким и в кампаниях по одномандатным округам. Длющийся многие годы упадок публичной политики, проседание представительства интересов избирателей как важнейшей функции любого депутата, непопулярность законодательной власти — все это обусловило дефицит сильных фигур у всех без исключения партий. Однако ситуация у партии власти и оппозиции явно не симметричная.

Старая гвардия — депутаты, имевшие опыт работы в одномандатных округах, — не исчезла из нынешнего депутатского корпуса, но таких «гвардейцев» немного у «Единой России», несколько у «Справедливой России» и практически не осталось у других партий. Более молодые депутаты не имеют опыта одномандатных кампаний. При этом с новичками у «Единой России» явное конкурентное преимущество: в ее распоряжении — абсолютное большинство современного политического класса, от административной элиты до ориентированной на власть «общественности».

Деятельность Общероссийского народного фронта (ОНФ) позволила сформировать пул активистов, имеющих навыки публичной работы и в ряде случаев общественный авторитет. Эти и другие выдвиженцы прошли в мае 2016-го через открытые праймериз «Единой России» — участие в них приняло 9,5% российских избирателей. Процедура подверглась критике за управляемость партийной бюрократией, скандалы с административной мобилизацией, вбросы и подвозы избирателей, в результате которых итоги голосования на некоторых участках пришлось отменить. Иной раз даже там, где руководство партии и администрации президента прямо проявляло заинтересованность в честной игре, а значит — тестировании эффективности «Единой России», административный ресурс включался автоматически.

Тем не менее корректнее было бы рассматривать эту процедуру в рамках той же стратегии «адаптации». Партия относительно гладко провела обновление своего депутатского корпуса — очевидно, что многие победители праймериз обретут мандаты в следующей Думе, — а также выпустила пар конкуренции внутри региональных элит, заставив их разногласия выплеснуться, пусть и не без скандалов, за несколько месяцев до выборов, хотя бы отчасти размыла монополию партийной бюрократии на процесс селекции кандидатов, опробовала механизмы мобилизации ядра лояльного электората.

В одномандатной части Думы представителей трех системных оппозиционных партий будет немного — меньше, чем их коллег, прошедших по партийным спискам.

Иными словами, партия власти подошла к формированию своего корпуса кандидатов по одномандатным округам достаточно серьезно. Ставка делается на людей, способных своей публичностью завоевать симпатии избирателей, — среди них много представителей гуманитарных профессий (учителей и врачей) и медийных персон. Конкурентное преимущество таких кандидатов обеспечивает не только благожелательное отношение к ним административного ресурса, но и стартовый капитал партийного рейтинга — «Единая Россия» далеко опережает все остальные партии.

Добавим к этому, что если в каждом округе против единоморосса выставят своих кандидатов хотя бы только три парламентские партии, оппозиционные голоса рассеются между ними. Логика одномандатных выборов в один тур, требующая концентрации голосов вокруг двух наиболее сильных кандидатов, в большинстве случаев работать не будет, что фактически является гарантией успеха для «Единой России». Обновление депутатского корпуса партии власти окажется весьма значительным; законодотворческие навыки десанту учителей и врачей придется осваивать с нуля, зато они будут обладать более тесной связью со своими избирателями.

Исключения из вышеописанного правила возможны в случае сочетания двух факторов — неудачного выбора провластного кандидата и наличия сильного оппозиционера, способного выйти за пределы традиционного электората своей партии и собрать большую часть протестных голосов. Такое бывало на региональных и местных выборах, но скорее оказывалось отдельными казусами (например, победа молодого и активного депутата от КПРФ над префектом Юго-Восточного округа Москвы на выборах в столичную городскую думу в 2014 году), и число таких сенсаций потенциально невелико.

Не исключен и второй сценарий, когда победу в округе может одержать кандидат от оппозиционной партии. В середине февраля «Единая Россия» устами секретаря генсовета партии Сергея Неверова заявила о готовности заключить межпартийное соглашение о фактической уступке некоторого количества одномандатных округов другим партиям путем невыдвижения своего кандидата. Это мотивировалось стремле-

нием сохранить в Думе оппозиционных депутатов, «которые являются сильными экспертами в своих областях... и будут приносить пользу в Государственной думе»¹⁷.

В риторике «Единой России» нельзя не заметить лукавства: сильные депутаты в любом случае прошли бы в Думу по спискам своих партий. Резон такого хода в другом: сам факт межпартийного соглашения подставляет участников под обвинение в сговоре с властью — вот почему КПРФ решительно отмежевалась от этой идеи. Остальные же думские партии, видимо, воспользуются возможностью, чтобы провести своих кандидатов. Впрочем, уверенно об этом можно будет судить, когда завершится процесс регистрации.

Оговоримся, что сам по себе факт тактического разведения сильных кандидатов не чужд международной практике однотуровых выборов, аномалией при такой избирательной системе скорее является тактика выставления кандидатов во всех округах независимо от шансов. В любом случае такие победившие оппозиционеры будут помнить, что своим успехом они, по крайней мере отчасти, обязаны благожелательному отношению со стороны партии власти.

Не исключено, что в той же логике благожелательно может быть воспринят успех в одномандатных округах отдельных фигур из партий, неспособных преодолеть пятипроцентный барьер: «Родины», Партии роста, «Патриотов России», возможно, даже «Яблока». Тем самым они получают парламентское представительство и публичную трибуну, хотя о реальном политическом влиянии речи не идет. Также вполне вероятно, что часть лояльных депутатов предпочтет выдвигаться без партийного флага как формально независимые.

Портрет седьмой Думы

Итак, партийный расклад в Думе не претерпит принципиальных изменений. Партийные фракции, то есть депутатов, проведенных по спискам, скорее всего, получат те же четыре партии. Списочники от «Единой России» имеют шанс составить в этой части Думы абсолютное большинство, даже если их результат окажется ниже 50%: участие в выборах 14 партийных списков означает, что часть голосов, поданных за не преодолевшие пятипроцентный барьер партии, будет пропорционально распределена между победителями.

В одномандатной части Думы представителей трех системных оппозиционных партий будет немного — меньше, чем их коллег, прошедших по партийным спискам. К ним добавятся единичные депутаты от малых партий. Большинство же составят одномандатники от «Единой России», а кроме них появится группа формально независимых одномандатников, которые, скорее всего, образуют депутатскую группу. Она станет стратеги-

ческим резервом партии власти, ее коалиционным партнером на случай, когда потребуются квалифицированное большинство в две трети мандатов.

Если принципиальных изменений в партийном раскладе в Думе не произойдет, значит ли это, что в российской политике ничего не изменится? Короткий ответ: перемены в российской политике в ближайшие пять лет неизбежны, и вопрос в том, насколько новый состав Думы окажется адекватным этим изменениям.

Плохая новость состоит в том, что партийная система России осени 2016 года мало чем будет отличаться от той, что существовала все прошлое десятилетие. Генезис партийных систем во всех посткоммунистических странах шел в отрыве от классических моделей. Последние представляют собой «рынок покупателя»: существующие в обществе значимые общественно-политические размежевания востребуют политическое представительство в виде конкурирующих партий¹⁸, число которых определяется количеством этих размежеваний (город/село, центр/периферия, социально-экономические, этнические и т.п.). В коммунистических режимах эти размежевания были жестко зажаты авторитарной властью, и становление плюрализма после ее падения следовало принципу «рынка продавца»: конфигурация партийных систем определяется и изменяется под сильным воздействием субъективных факторов, например харизмы политиков, случайных перипетий политической борьбы и т.п.¹⁹

Если в западной части посткоммунистического пространства партийные системы волатильны, но по крайней мере обеспечивают сменяемость власти и политический плюрализм, то в России и ряде других постсоветских государств наличие одной доминирующей партии, являющейся по сути функцией от популярности всенародно избранного президента, не позволило сформироваться полноценной системе представительства всего спектра общественных интересов через политические партии.

Как показано выше, в парламентском пространстве представлены лишь три модели патернализма, различающиеся эмоциональным знаком доверия власти, и уникальный сплав правого популизма с националистическим душком, созданный харизмой Владимира Жириновского. Разумеется, это упрощенная картина:

между тремя патерналистскими партиями можно найти различия и в социально-экономической повестке (причем парадоксальным образом по реальным голосованиям, а не партийной риторике — «Единая Россия» на деле оказывается скорее либерально-консервативной партией), и по мировоззренческим вопросам. Но если признать, что действовавшая в последние годы модель огосударственной экономики и перераспределения социальных благ почти исчерпана, то ответа на вопрос «А что взамен?» невозможно найти ни у одной из парламентских партий.

Перемены в российской политике в ближайшие пять лет неизбежны. Важно, насколько новая Дума будет адекватной этим изменениям.

Никак не представлены в думском — да и всем партийном — пространстве интересы того сегмента общества, который социологи называют «рассерженными горожанами», а провластная пропаганда любит именовать оруэллоподобным термином «креаклы» (сокращение от «креативный класс», вошедшее в массовый политический оборот после протестов на Болотной площади в 2011–2012 годах). Озвученное Владимиром Путиным в одной из предвыборных статей 2012 года, «Демократия и качество государства», противоречие: «Сегодня качество нашего государства отстает от готовности гражданского общества в нем участвовать»²⁰ — разрешилось, но не расширением каналов участия, а маргинализацией продвинутых классов.

Из описанных выше реформ улучшение политической системы могли дать только две меры. Первая из них — либерализация образования партий — не бесперспективна сама по себе, но на новый состав Думы повлияет лишь минимально: вероятным появлением в них нескольких знаменосцев малых политических партий. Вторая — появление одномандатников, более тесно связанных со своими избирателями, — будет задавать позитивный стимул парламентской работе: для обеспечения переизбрания такой депутат будет вынужден соизмерять свои действия и голосования с настроениями избирателей, а потому не станет слепо следовать партийной дисциплине. Следовательно, впервые за долгие годы в этой системе появится противовес абсолютному доминированию партийной и административной бюрократии.

Как сработает этот фактор, будет во многом зависеть от социально-экономического курса, который исполнительная власть выберет после парламентских выборов. Принимая в 2008 году решение об удлинении срока легислатуры президента с четырех до шести, а Думы — с четырех до пяти лет, власть стремилась развести выборы этих органов власти, ранее разделенные лишь тремя месяцами — тогда парламентские выборы фактически играли роль «праймериз» для президентских²¹.

При этом тактический успех с разведением выборов обернется стратегической проблемой. Естественное для любой политической системы избегание реформаторских шагов накануне выборов в данном случае грозит растянуться до президентских выборов в марте 2018 года, в то время как экономические и социальные реалии требуют незамедлительных решений. Даже если Кремль и правительство ограничатся паллиативными мерами — частичным сокращением социальных расходов, оптимизацией в системах здравоохранения и образования, неполной индексаций пенсий, — депутаты-одномандатники не смогут удержаться от критики и таких скромных шагов.

В парламентском пространстве представлены лишь три модели патернализма, различающиеся эмоциональным знаком доверия власти.

К тому же неизбежно возобновится бюджетный торг при распределении расходов, а в условиях дефицита финансовых ресурсов он может приобрести острый характер. Если же на повестку дня правительством будут поставлены более радикальные реформы, например повышение пенсионного возраста, замораживание пенсий или зарплат бюджетников, депутаты окажутся заложниками противоречия между лояльностью власти и запросами своих избирателей.

Сомнений в том, что Кремль и правительство смогут провести через Думу любое удобное им законодательное решение, не возникает. Однако эта победа рискует оказаться пирровой с точки зрения представительства интересов избирателей новым депутатским корпусом: к антикризисной политике и непопулярным мерам патерналистски настроенное общество явно не готово.

Общественно-политические интересы в России остаются столь же неразграниченными, как и в прошлое десятилетие, а партийная система никак не стимулирует этот процесс. В лучшем случае можно говорить о размежевании по оси за или против власти (и то при практически консенсусном доверии главному властному институту — президенту) и трех вариациях патерналистского запроса. В таком поле Думе предельно сложно найти рациональную линию антикризисного поведения, тем более — выработать стратегию поступательного развития страны. Парламент останется пассивным участником этого процесса, обсуждающим и утверждающим решения, спущенные сверху исполнительной властью. В лучшем случае депутаты будут более активными в оппонировании, не выдвигая при этом конструктивных альтернатив.

Парламентские выборы также породят противоречие между краткосрочной и долгосрочной легитимностью власти. В краткосрочном плане она будет подтверждена — предпринятые реформы ограничат грубые проявления административного ресурса и предьявят избирателю более активных и публичных кандидатов в депутаты. Массовые и затяжные протесты против результатов выборов в такой ситуации представляются маловероятными. В долгосрочном же плане единственной опорой легитимности российской власти остается личность Владимира Путина, а все остальные персоны и институты рассматриваются как функции предельно персонализированного политического курса.

Таким образом, парламентские выборы воспроизведут ныне существующий российский политический режим. Они убергут его от немедленной делегитимации, *но вряд ли сделают в большей степени способным ответить на долгосрочные вызовы* — как в экономике и социальной сфере, так и в политическом развитии страны.

Легитимность системы: риски отделения общества от государства

В какую сторону эволюционирует политическая система со столь специфическими выборами? Какие риски ей грозят? В ближайшие годы государству и обществу предстоит сосуществовать в среде, которая, невзирая на авторитаризацию официальной политики, окажется гораздо менее иерархичной, чем сегодня, благодаря свободному распространению информации в сетях (и не только в интернете, но и в иных неформальных сетевых сообществах с прямыми контактами людей друг с другом), способности общества формировать альтернативные официальной точки зрения, стремлению разных сообществ к саморегуляции, особенно когда государственное регулирование оказывается архаичным, громоздким и неэффективным.

В этой ситуации есть опасность формирования двух параллельных самодостаточных реальностей. Корпоративистская модель будет все в меньшей степени способна управлять поведением людей и учитывать их интересы и настроения. Механизмы социальной мобилизации, небезупречные и сегодня, будут работать все хуже, государство потеряет обратную связь с обществом, конституционные институты окажутся неработоспособными и фактически имитационными.

Такая ситуация плоха для общества, но не менее, а даже более опасна для самого государства, которое рискует стать нефункциональным и деинституционализированным. Политика, ориентированная на сохранение стабильности, окажется тупиковой — система потеряет способность к самообновлению, политические и управленческие решения будут приниматься невпопад, без учета реальности, а то и в противоречии с ней. В результате неформальная экономика, неформальные общественные связи и организации постепенно будут перерастать в новое нормативное поведение, в новую внесударственную мораль, в ту область, где возможно восстановление утраченного межличностного и институционального доверия.

С одной стороны, такая форма адаптации общества к провалившемуся государству позволит пройти следующий политический цикл, который начнется после президентских выборов 2018 года без значимых социальных потрясений, перерастающих в политические. С другой — государство рискует превратиться в ненужную надстройку, к которой нет доверия и которая не способна в обмен на налоги предоставить гражданам сколько-нибудь качественные сервисы.

Такое государство будет все меньше устраивать не только — в классических терминах Гэбриэла Алмонда и Сиднея Вербы²² — «гражданскую» (participatory), но и «подданическую» (subject) политическую субкультуру.

туры. Как долго такая конструкция может держаться на авторитете института персоналистской президентской власти, не в силах предсказать ни политологи, ни астрологи.

В этом контексте едва ли возможны структурные реформы и развитие. Причина — потеря государством способности проявлять политическую волю к модернизации. Оно будет отвечать на вызовы лишь точечными репрессиями, усилением пропаганды и неадекватными ситуативными решениями.

Вернемся к поставленному выше вопросу: в чем эта ситуация сходна и чем отличается от кризиса доверия к партийно-политическому истеблишменту стран Запада? На Западе кризис порожден сложной конфигурацией факторов — отрывом картельных, то есть сращенных с государством, партийных машин²³ от рядового избирателя, слишком быстрым утверждением постмодернистских ценностей, вызовом западным обществам со стороны мигрантов из третьего мира, наконец, непреодоленными последствиями экономического кризиса 2008 года и ростом неравенства.

По сути, современные общества востребуют новую легитимность, новую нормативность. Согласно позиции авторитетного французского социолога Пьера Розанваллона²⁴, такая легитимность не может быть создана одними лишь привычными процедурами выборов. Она рождается в процессе правления, и власть всякий раз качеством и эффективностью своих действий обязана ее доказывать и подтверждать. «Интерес большого количества людей, — пишет Розанваллон, — уже не так легко, как раньше, приравнять к интересам большинства»²⁵. Теперь народ — не большинство, а сумма меньшинств. При этом «воля избирателей продолжает терять свою центральную роль...»²⁶

В реальности на Западе речь идет не об утрате легитимности, основанной на выборах, а ее усложнении, повышении требований общества к политикам как на выборах, так и между ними, поиске иных средств участия в политике и воздействия на нее.

Отличие российской ситуации состоит, во-первых, в несменяемости власти через выборы — даже в невероятном на сегодня случае утраты «Единой Россией» большинства в Думе слабость и сервильность парламента, отсутствие в нем реальной оппозиции не дали бы никаких шансов на альтернативу в политическом курсе. На Западе почти все партии, стоявшие у власти в период кризиса 2008–2009 годов, проиграли следующие выборы, а за этим последовал поиск новых социально-экономических стратегий.

Во-вторых, именно страх утраты власти побуждает правящие партии учитывать изменения общественного запроса, выражающегося в подъеме популярности новых сил. Самый наглядный пример — референдум Brexit о выходе Великобритании из ЕС, который правящие консерваторы были вынуждены провести, чтобы сдержать натиск евроскептической Партии

независимости Соединенного Королевства (УКIP). Новые партии стали весомыми игроками во Франции, Испании, Австрии. В США вызов казавшемуся незыблемым двухпартийному истеблишменту был брошен как справа Дональдом Трампом, так и слева Берни Сандерсом. В Греции радикальные левые евроскептики пришли к власти, но были вынуждены согласовывать условия сохранения страны в ЕС, а не выхода из нее, что еще раз подтверждает базовое определение демократии как строя, который, по словам Нади Урбинати, «позволяет гражданам менять свои решения и лидеров, не ставя под вопрос политический порядок»²⁷.

В России конкуренция между партиями и политиками все-таки есть, хотя и в описанной выше ущербной форме. А вот конкуренции идей и программ в российском парламенте и партийном пространстве нет совсем, если не считать таковой споры о моделях перераспределения усыхающего пирога социальных благ или соревнования в ура-патриотической риторике. Без серьезных перемен в политическом порядке у нас, согласно формуле Урбинати, остается все меньше надежд оказать воздействие на принципиальные решения и лидеров.

Что 2016 год означает для 2018-го и 2024-го?

Выборы-2016 — это и тест системы на прочность, и подготовка комфортной почвы для проведения президентских выборов — 2018. Их цель — сохранение власти существующих элит и их лидера. Парламентские выборы должны придать системе большую адаптивность и выживаемость для реализации этой задачи. При этом новых лиц и фигур президентского калибра на них не появится.

Дальше начнутся проблемы. И четырехпартийная Дума, и сама четырехпартийная модель неизбежно будут подвергаться эрозии. Хотя бы потому, что стареющие лидеры двух ключевых опор системы, КПРФ и ЛДПР, рано или поздно уйдут — и эти партии (а также «СР») придется, как и «Единую Россию», серьезно реформировать. Лоялистская партийная модель все меньше удовлетворяет потребность власти в управляемом парламентаризме, а вопрос, как поддерживать ее жизнеспособность без узнаваемых и комфортных КПРФ Зюганова и ЛДПР Жириновского, останется без ответа и в следующем парламентском цикле.

Следующий вопрос — не начнет ли расплзаться система подконтрольного имитационного гражданского общества (те самые ОП, ОНФ и сидящие на государственной поддержке НКО), составляющая часть корпоративистской модели современной России? Как далеко зайдет описанное нами фактическое отделение настоящего гражданского общества от государства? Как контролировать ситуацию, когда все агенты реальных перемен и мо-

дернизации окажутся не заодно с государством, а в лучшем случае вне его, если не против? К таким вызовам система-2016–2018, ориентированная лишь на сохранение власти нынешней элиты, не готова.

Сам же президент окажется в ловушке: легитимность харизматического лидера не передается по наследству (как не получил ее, например, венесуэльский президент Николас Мадуро от Уго Чавеса). А иного механизма не придумано.

В Америке президента начинают называть «хромой уткой» (*lame duck*) лишь в последний год его второго срока, и смена власти не сулит политического кризиса (хотя кандидатура Трампа и вызывает такие опасения у части общества). В России же демократической передачи высшей власти через выборы никогда не происходило — нельзя же всерьез считать таковой тандем Путина и Медведева в 2008–2012 годах (история с транзитом власти от Ельцина к Путину тоже весьма специфическая, потому что последний избирался уже в статусе и.о. главы государства). Политическое поведение элиты исходит из того, что нынешний президент гарантированно пойдет на переизбрание в 2018-м. Однако сразу после этой победы элита начнет задумываться о будущем власти. Дело даже не столько в том, что, согласно Конституции, в 2024 году Путин должен будет покинуть свой пост, — усиливать эти «раздумья» станет и более долгий срок правления, и возрастной фактор.

Это означает, что риск возникновения феномена «хромой утки» появится не в конце очередного президентского срока, а в его начале, пусть в минимальном объеме, пусть смягченный высокой популярностью президента и широтой его властных полномочий. Другими словами, перестает быть невозможным сценарий, при котором даже легкая хромота режима спровоцирует сначала слабую, а затем все более интенсивную нервозность и перегруппировку политических сил и финансовых лоббистов, которая может постепенно расшатать консенсус, закрепленный выборами 2016 и 2018 годов.

Стараясь сохранить баланс между различными группировками, президент, скорее всего, выберет срединный путь и инерционный сценарий, то есть будет придерживаться эклектичного изоляционистки-националистического вектора и пытаться удержать экономическую систему от обвала с помощью либералов-лоялистов. Дальше мы вступаем в зону слабой предсказуемости, когда экспертные прогнозы отличаются от результатов гаданий на кофейной гуще тем, что последние все-таки иногда сбываются. Состояние политической и экономической систем может спровоцировать спрос на перемены. Но едва ли действующий политический режим будет в состоянии адекватно ответить на этот вызов.

Примечания

- 1 *O'Donnell G.* Modernization and Bureaucratic Authoritarianism: Studies in South-American Politics. — Oakland: University of California Press, 1973.
- 2 *Schmitter P.* Still the Century of Corporatism? — *The Review of Politics*, 1974. Цитирована самим автором в: *Шмиттер Ф.* Неокорпоратизм. — Полис. — №2. 1997. — С. 15.
- 3 См., например: *Svolik M.W.* The Politics of Authoritarian Rule (Part of Cambridge Studies in Comparative Politics). — Urbana-Champaign: University of Illinois, 2012; *Levitsky S., Way L.A.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War (Part of Problems of International Politics). — Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- 4 *Колесников А.* Хотят ли русские войны. Война и террор в восприятии россиян. — Рабочие материалы Карнеги. — М.: Московский центр Карнеги, 2016. — Электронная версия: <http://carnegie.ru/2016/03/21/ru-63077/ivnz>.
- 5 Россияне стали больше доверять армии. — Левада-центр. — Пресс-выпуск. 7 октября 2015 года // <http://www.levada.ru/2015/10/07/rossiyane-stali-bolshe-dovergat-armii/>.
- 6 Конституционный кризис в России и пути его преодоления. Доклад. — М.: Институт современной России; Открытая Россия, 2016. — Электронная версия: <https://openrussia.org/post/view/12766/>.
- 7 *Иванов М.* Голосование по привычке. — Коммерсантъ. — 24 сентября 2015 года // <http://www.kommersant.ru/doc/2816701>.
<https://komitetgi.ru/analytics/2802/>.
- 9 *Зубаревич Н.* Социальная дифференциация регионов и городов. — Pro et Contra. — 2012. — Июль — октябрь (http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_56_135-152.pdf).
- 10 *Латухина К.* Выборы под защитой. — Российская газета. — 2016. — 26 февраля // <http://rg.ru/2016/02/26/putin-napomnil-fsb-ob-aktivizacii-nedrugov-za-bugrom.html>.
- 11 Вежливая нагайка. — Газета.ру. — 2016. — 18 мая // http://www.gazeta.ru/comments/2016/05/18_e_8250839.shtml.
- 12 *Gurr T.* Why Men Rebel. — Princeton: Princeton University Press, 1970. — P. 25–47.
- 13 Этот феномен прагматичного конформизма описан в статье: *Колесников А.* Два года после Крыма: эволюция политического режима. — 2016. — 10 марта // <http://carnegie.ru/commentary/2016/03/21/two-years-after-crimea-evolution-of-political-regime/ivrc>.
- 14 Подробнее о механизмах работы этого эффекта см.: *Колесников А.* Хотят ли русские войны...

- 15 План Путина. — Левада-центр. — Пресс-выпуск. — 21 октября 2007 года // <http://www.levada.ru/2007/10/21/plan-putina/>.
- 16 Предвыборная программа партии «Единая Россия» // <https://er.ru/party/program/userdata/files/2016/06/27/predvybornaya-programma.pdf>.
- 17 *Винокуров А., Галимова Н.* Партии делят думские выборы. — Газета.ру. — 2016. — 14 февраля // http://www.gazeta.ru/politics/2016/02/14_a_8074751.shtml.
- 18 Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives / ed. by S.Lipset, S.Rokkan. — New York: Free Press, 1967.
- 19 См. дискуссию в: Партии и партийные системы: современные тенденции развития / Б.И.Макаренко и др.; под рук. Б.И.Макаренко. — М.: Политическая энциклопедия, 2015. — С. 104–106.
- 20 *Путин В.* Демократия и качество государства. — Коммерсантъ. — 2012. — 6 февраля // <http://www.kommersant.ru/doc/1866753>.
- 21 *Shugart M., Carey J.* Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992. — P. 259–272.
- 22 *Almond G.A., Verba S.* The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. — N.Y.: Sage Publications, 1989. — P.16–18.
- 23 *Katz P.* Changing Models of Party Organization and Party Democracy // R. Katz, P. Mair. The Emergence of Cartel Party. — Party politics. — 1995. — Vol. 1. — №1. — P. 5–28.
- 24 *Розанваллон П.* Демократическая легитимность. Беспристрастность, рефлексивность, близость. — М.: Московская школа гражданского просвещения, 2015.
- 25 Там же, с. 9.
- 26 Там же, с. 13.
- 27 *Урбинати Н.* Искаженная демократия. Мнение, истина и народ. — М.: Издательство Института Гайдара, 2016. — С. 26.

Московский Центр Карнеги

Московский Центр Карнеги более 20 лет служит одним из самых авторитетных источников аналитической информации о России и странах бывшего СССР.

Публикации Московского Центра Карнеги выходят на русском и английском языках и охватывают широкий круг вопросов — от внутренней политики и тенденций развития общества до внешнеполитической повестки и проблем нераспространения ядерного оружия.

Центр привлекает самых разных специалистов, объединенных приверженностью принципам научного подхода и объективного анализа. Наши эксперты не только превосходно разбираются в специфике местных реалий, но и видят их в глобальной перспективе.

Фонд Карнеги за Международный Мир был учрежден Эндрю Карнеги в 1910 году. Основная задача Фонда — содействие сотрудничеству между странами. В своей деятельности Фонд опирается на работу исследователей и специалистов из региональных центров Карнеги в Бейруте, Брюсселе, Вашингтоне, Дели, Москве и Пекине.

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КАРНЕГИ

ВЫБОРЫ-2016: РУТИНА ИЛИ ПЕРЕМЕНЫ?
Что означает парламентская кампания для
будущего российской политической системы

Андрей Колесников, Борис Макаренко

Редактура и корректура бюро ТХТ (www.txtburo.com)

Дизайнер русскоязычной версии Я. Красновский

Компьютерная верстка Ю. Мосягин

Фото на обложку: РИА Новости

Подписано к печати 12.07.2016

Формат 60x90 1/8.

Гарнитура Garamond Premier Pro.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 4,5

Тираж 300 экз.

Издатель: ИП Пахомова Елена Алексеевна

Россия, 125040, Москва,

Ленинградский проспект, 11-28

classick21@gmail.com

Московский Центр Карнеги

Россия, 125009, Москва,

Тверская ул., д. 16/2

Тел.: + 7 495 935-89-04

Факс: + 7 495 935-89-06

Email: info@Carnegie.ru

www.Carnegie.ru

Отпечатано в типографии «Самполиграфист»

129090, Москва, Протопоповский переулок, д. 6

БЕЙРУТ БРЮССЕЛЬ ВАШИНГТОН ДЕЛИ МОСКВА ПЕКИН

ГЛОБАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Carnegie.ru